

лометра железнодорожных путей в Верхней Вольте стоит 18 миллионов франков, в Береге Слоновой Кости — 25—30 миллионов, на севере Камеруна и в Чаде — 50 миллионов франков. Примерно во столько же обходится строительство километра битумного шоссе. Сооружение аэропорта в Яунде (Камерун), предназначенного для реактивных самолетов среднего класса и имеющего взлетно-посадочную полосу протяженностью две тысячи метров, оценивается от полутора до двух миллиардов франков. За эту же сумму можно проложить 30—40 километров железной или битумной дороги. По сути дела, развитие авиатранспорта в ряде африканских государств требует меньше капитальных затрат, чем расширение шоссейной или железнодорожной сети.

Кроме того, авиация имеет неоспоримое преимущество в скорости, что порой играет немаловажную роль, например, для доставки мяса из стран, основным богатством которых является скот.

Особое значение авиатранспорт приобретает в странах Азии и Африки, не имеющих выхода к морю. Хотя, как правило, внутриконтинентальные государства свободно осуществляют свои внешнеэкономические связи, все же какие-либо затруднения могут возникнуть, так как на устойчивости таких связей не может не отразиться политическая обстановка в соседних странах.

Эти причины в значительной степени объясняют тот факт, что авиатранспорт стран двух континентов развивается чрезвычайно высокими темпами. С 1953 года количество грузов, перевезенных воздушным путем, увеличилось по странам Африки в семь раз, Азии — восемь раз, тогда как в среднем по всему миру — в шесть с половиной раз. Аналогичными темпами растут перевозки пассажиров и почтовых грузов.

Многие развивающиеся страны имеют в настоящее время свои авиакомпании (Индия, Турция, Египет), другие создали их совместными усилиями. Так, 12 африканских государств — Дагомей, Берег Слоновой Кости, Верхняя Вольта, Мавритания, Нигер, Сенегал, Того, Камерун, Габон, ЦАР, Чад и Конго (Киншаса) — являются участниками компании «Эр-Африк», обслуживающей самые большие на континенте маршруты общей протяженностью 96 тысяч километров.

В целом авиатранспорт африканских и азиатских государств на-

ходится на начальной ступени своего развития. В частности, в мировых воздушных перевозках на долю Африки приходится всего 2,8 процента. По ряду причин стоимость перевозок почти в полтора раза выше среднемировой.

В послевоенный период произошел быстрый рост тоннажа торгового флота молодых государств. Тоннаж кораблей, плавающих под флагом Либерии, занимает 1-е, а под флагом Индии — 16-е место в мире. Однако либерийский флот — это фикция, поскольку под флагом этой страны ходят корабли США, Греции и других государств.

Развивающиеся страны отстают от промышленно развитых стран по оснащению своего парка торговыми кораблями. Малый тоннаж флота молодых государств означает, что большая часть их экспортно-импортных грузов перевозится на кораблях империалистических держав; таким образом, государственная казна несет дополнительные расходы по фрахту иностранных судов.

Не менее важным для большинства молодых государств Африки и Азии является развитие речного флота, играющего видную роль во внутренних перевозках. Однако точные данные о состоянии речного транспорта не публикуются.

Все большее значение приобретает трубопроводный транспорт. В ряде арабских стран трубопроводы обеспечивают водой жизненно важные центры страны. Но главное их назначение в настоящее время — транспортировка нефти и газа из мест добычи в порты или места потребления. Нефте- и газопроводы есть или строятся во всех развивающихся странах, где обнаружены значительные запасы этого ценнейшего сырья.

Несмотря на значительное расширение транспортной сети молодых государств, ее рост не отвечает экономическим потребностям этих стран. Большинство экономистов сходятся во мнении, что темпы роста транспорта должны в два раза превышать темпы роста совокупного общественного продукта. В настоящее время рост транспортных отраслей соответствует росту экономики в целом или же незначительно превосходит ее.

Нет сомнения, что научно-техническая революция ускоряет развитие транспортной системы молодых государств. Внедрение современной техники позволяет устранить отдельные ступени развития, через которые прошли капиталистические страны. Однако современная техника одновременно предъявляет к развивающимся странам более высокие требования, усложняя тем самым экономический прогресс. Речь идет, в первую очередь, о том, что новые машины, оборудование требуют больших валютных ассигнований. Во-вторых, современная техника повышает спрос на высококвалифицированные кадры, которые могли бы овладеть этой техникой, обеспечить ее полное и эффективное использование.

Отсюда новая проблема: в какой мере развивающиеся страны могут пользоваться достижениями научно-технической революции? Очевидно, прогрессивные социально-экономические преобразования, укрепление государственного сектора экономики, переход в перспективе на некапиталистический путь развития открывают перед развивающимися странами наилучшие перспективы научно-технического и хозяйственного прогресса, в том числе и в области транспорта.

ВТОРОЕ МЕСТО В АФРИКЕ

В настоящее время Нигерия занимает по добыче нефти десятое место в мире и второе в Африке (после Ливии). В 1970 году в стране было добыто 53 миллиона тонн нефти.

На начало 1970 года здесь запасы нефти оценивались в 676 миллионов тонн. Основными районами добычи являются район дельты Нигера, Средне-Западный, Восточный и Юго-Восточный штаты. Нефть обнаружена на площади 96 тысяч квадратных километров, включая районы прибрежного шельфа, но разработками охвачена только половина этой площади. В настоящее время в Нигерии действует около 170 скважин.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС

И НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ

НАРОДОВ ВОСТОКА

Д. МИХАЙЛОВ

ОБОРЯТ, что, когда человек слышит слово «культура», рука его тянется к словарю. Но исчерпывающего ответа на вопрос, что обозначает это предельно знакомое слово, нет ни в одном словаре. Зато нет недостатка в ответах неисчерпывающих. Американские ученые А. Крёбер и К. Клакхон, взявшись собрать различные определения культуры, без труда насчитали 164 таких определения.

Классики марксизма употребляли термин «культура» в весьма широком смысле. А. В. Луначарский писал: «В основных своих чертах учение Ленина о культуре есть то же, которое мы находим у Маркса и Энгельса. Понятие культуры обнимает у них в сущности все формы общественной жизни, за исключением непосредственно производственных. Разумеется, и эти последние можно отнести к культуре, если противопоставлять последнюю понятию природы, то есть природы вне всякого изменения ее человеком».

НАУКА И КУЛЬТУРА

Одна из важных проблем, поставленных современностью перед биологами и экономистами, историками и социологами, — это определение роли, которую играет научно-технический прогресс в судьбах человечества. Даже беглое знакомство с зарубежной немарксистской литературой, посвященной этому вопросу, позволяет констатировать, что в ней нашли выражение, по крайней мере, две противоположные точки зрения. Одни ученые считают научно-технический прогресс чудодейственным средством, которое раз-

решит все стоящие перед людьми проблемы. Другие склонны видеть в нем проклятие рода человеческого.

Усилиями таких пессимистов за последние десятилетия все шире разрабатывается тема «напряженности в отношениях между наукой и культурой» или даже «конфликта» между ними.

Для некоторых исследователей эти слова выражают противоречие между наукой, научно-техническим прогрессом, с одной стороны, и духовными ценностями или даже культурой в широком смысле слова, с другой.

«Разве прогресс науки и научного мышления, — спрашивает Р. Арон, — не приводит к тому, что определение и выбор самого главного, а именно настоящей жизни, настоящего общества, все больше производится на самой неразумной основе?»

В действительности же противоречие между развитием науки и техники и прогрессом общества в целом — кажущееся. Оно представляет собой преломление в сознании исследователя другого, реального, конфликта — между достижениями культурного (в частности, научно-технического) прогресса и возможностями частного-общественного общества использовать эти достижения в интересах всех своих членов. Интересно отметить, что этот социально обусловленный обман зрения, которого не осознал или не хочет осознать социолог Р. Арон, сумел разглядеть в свое время физик А. Эйнштейн. Он писал: «Подлинным источником зла, по моему мнению, является экономическая анархия, царящая в современном капиталистическом мире... Технологический прогресс часто влечет за собой скорее рост без-

работицы, чем облегчение труда для всех. Погоня за прибылью в соединении с капиталистической конкуренцией между капиталистами порождает неустойчивость в области накопления и использования капитала, что приводит ко все более тяжелым кризисам. Безудержная конкуренция ведет к колоссальной растрате общественного труда и калечению общественного сознания индивидов».

Возникает вопрос: а правомерна ли вообще постановка проблемы «напряженности в отношениях между наукой и культурой»? Думается, что правомерна, если подразумевать под «напряженностью» коллизии, возникающие между наукой, научно-техническим прогрессом, с одной стороны, и некоторыми сторонами культурного наследия — с другой.

Понимаемая таким образом «напряженность между наукой и культурой» характеризуется в современном «третьем мире» известной спецификой. Но прежде чем перейти к рассмотрению этой специфики, необходимо определить общий принципиальный подход к проблемам изучения культуры Востока и Запада и для этого коснуться ряда концепций, существовавших и существующих в литературе по этим проблемам.

ЕВРОПОЦЕНТРИЗМ

В течение долгого времени некоторые европейские ученые развивали так называемые европоцентристские идеи. Точно определить время зарождения этих идей трудно. Они вряд ли могли возникнуть в средние века, когда культурное превосходство стран Востока (главным образом наибо-

лее знакомого европейцам мусульманского Востока) над странами Европы было очевидным. С постепенным переходом культурного первенства к европейским странам, а также началом колониальной экспансии этих стран картина стала меняться. Выдающийся русский востоковед В. Бартольд считал, что «уже в XV веке у европейских путешественников появляется некоторое сознание культурного превосходства Европы над мусульманским Востоком; но даже в первой половине XVII века взгляды европейцев на этот вопрос еще оставались неопределенными... Только во второй половине XVII века окончательно определяется взгляд на Европу как на страну культуры и прогресса, в противоположность варварскому и отсталому Востоку».

Постепенно в сфере обыденного сознания исторически сложившаяся культурная отсталость стран Азии и Африки стала восприниматься как черта, извечно присущая этим странам. Так возникли предпосылки для появления европоцентристских представлений в области науки. Европейские ученые стали обосновывать мысль о восточной культуре как внеисторической сущности, чуждой изменениям; оспаривали самостоятельность национальных культур народов Востока, объявляли все лучшее в них результатом заимствований у Запада. Над европоцентристскими представлениями не смогли подняться даже некоторые величайшие умы Европы, например Гегель, считавший народы Востока пассивными, неисторическими по своей природе.

Однако достижения истории, археологии, филологических наук стали приходить во все большее противоречие с положениями европоцентризма. Все новые и новые данные, свидетельствовавшие об огромных культурных достижениях народов древнего Китая, Индии, Ближнего и Среднего Востока, последовательно подрывали позиции европоцентристов.

О. Шпенглер, объявляя о своем «коперниковском перевороте» в историческом знании, намеревался нанести смертельный удар по европоцентризму. Он писал: «Я называю эту привычную для западного европейца схему, согласно которой все высокие культуры совершают свои пути вокруг нас, как предполагаемого центра всего мирового процесса, птоломеевой системой истории и противопоставляю ей, в качестве коперникова открытия в области истории,

изложенную в настоящей книге и заступающую на место прежней схемы новую систему, согласно которой не только античность и Западная Европа, но также Индия, Вавилон, Китай, Египет, арабская культура и культура майя рассматриваются как меняющиеся проявления и выражения единой, находящейся в центре всего жизни, и ни одно из них не занимает преимущественного положения: все они — отдельные миры становления, все они имеют одинаковое значение в общей картине истории, притом нередко превышая эллинизму величию духовной концепции и мощью подъема». Выступив против европоцентризма в одной, наиболее явной и абсурдной форме, Шпенглер одновременно утвердил его в другой, более изощренной. Согласно Шпенглеру, все великие культуры уже прошли свой жизненный цикл. Исключение — западноевропейская культура, которая только еще движется к закату. Что же касается культур «Египта, Китая, Индии и мусульманского мира», то они для Шпенглера подобны «огромному засохшему дереву», которое «еще многие столетия может топорщить свои гнилые сучья». Важно уточнить, как ставит Шпенглер вопрос о взаимоотношении между наукой и культурой в странах Востока. «Для «цветных народов», — пишет он, — технический прогресс не является жизненной необходимостью, как для западного человека, а служит лишь оружием в их борьбе против фаулизации (западной. — Д. М.) цивилизации».

СОВРЕМЕННЫЕ ЕВРОПОЦЕНТРИСТЫ

В современной литературе по проблемам развития «третьего мира» открытая апологетика европоцентризма встречается сравнительно редко. Чаще приходится сталкиваться с подчеркнутым указанием на психологический склад народов Востока как на препятствие для прогресса. В крайней форме этот тезис сформулирован Г. Моргентау: «Подобно тому, как существуют индивидуумы, свойства характера и уровень интеллекта которых делают для них невозможным использование преимуществ экономического развития, существуют и нации, страдающие теми же недостатками. Скажем прямо: бездельники и попрошайки есть как среди людей, так и среди наций».

«Несоответствие» психологического склада того или иного народа требованиям прогресса нередко пытаются объяснить тем, что этот народ избрал в свое время «не ту» религию. Профессор Колумбийского университета (США) Дж. Сайкс, выступая в Бейруте на конференции по проблемам развития науки и техники в развивающихся странах, заявил, что арабские страны не смогут повторить достижений Японии в области научно-технического прогресса. Свое утверждение он аргументировал тем, что японцы находились под влиянием буддизма, который предписывает своим последователям «очень строгую интеллектуальную и физиологическую дисциплину» и, таким образом, «подготовил их к развитию промышленности и военного дела, чего не сделали ни православие, ни ислам в отношении жителей Ближнего Востока».

Склонность к противопоставлению психического склада всех или, по крайней мере, некоторых народов Востока потребностям современного прогресса характерна для многих западных ученых. Они приписывают населению стран Азии и Африки определенные отрицательные духовные черты, говорят о «незрелости» этих народов, ссылаясь на факты их культурного отставания. Правда, по их мнению, психологическая неполноценность, по крайней мере, некоторых народов Востока, не является непреодолимой, но она настолько прочна, что эти народы не могут избавиться от нее собственными силами; их психический склад может быть преобразован лишь при помощи народов с «динамической» психикой. С абсолютизацией психологического в культурно-историческом процессе согласиться нельзя. Национально-особенные черты психологического склада лишь придают специфическую окраску духовной деятельности, но не меняют ее существа.

Попытки спекулировать на исторически сложившемся своеобразии духовной жизни народов Востока имеют четко выраженную идеологическую направленность. Нельзя не согласиться с советским исследователем Э. Баграмовым, отмечающим, что, «исходя из концепции глубокой противоположности типов сознания, буржуазные ученые, по сути дела, требуют своеобразного разделения труда между Западом и Востоком: на долю первого падает творческая деятельность в рациональном мире — развитие науки,

производства, политики, тогда как на долю второго — мистическая и религиозная деятельность».

ВОСТОКОЦЕНТРИЗМ

Говоря об европоцентризме, нельзя обойти молчанием другую доктрину — востокоцентризм, сторонники которой утверждают превосходство культуры Востока над культурой Запада.

Во времена господства европейских колонизаторов пропаганда востокоцентристских идей зачастую являлась средством борьбы против подчинения и деформации колониализмом национальных культур народов Азии и Африки. Но уже тогда востокоцентризм был чреват опасностью слепого преклонения перед национальным прошлым, идеализации докапиталистических отношений. Сейчас в странах «третьего мира» востокоцентристские концепции активно используются реакционными силами.

Внешне европоцентризм и востокоцентризм совершенно противоположны друг другу. На самом деле — это два проявления одной сущности, нечто вроде статуи Будды, которая, если смотришь на нее с одной стороны, улыбается, с другой — грустит. Сущность — противопоставление рационалистического Запада одухотворенному Востоку. Но если европоцентрист самодовольно посмеивается над наивным Востоком, то востокоцентрист демонстративно грустит, видя глубину падения безбожного Запада. Обе концепции рассматривают религию не как исторически преходящую форму общественного сознания, а как неизменную черту, изначально присущую культуре Востока. Не случайно, что для представителей востокоцентристских идейных течений характерно стремление к возрождению «добрых старых времен», когда религия властвовала над людьми, то есть к эпохе господства традиционных, докапиталистических типов производственных отношений. По своей сути, это одно из проявлений охранительной реакции привилегированных классов и групп традиционных обществ на угрозу, которую несет им общественный прогресс. Устремленность в прошлое не скрывают, ею подчеркнута гордость. Д. Упадхайя, один из идеологов «истинных националистов», как называют себя индуистские коммуналисты, прямо говорил: «Пандит Неру ошибается, когда утверждает, что мы хотим

Япония. Город Камакура на острове Хонсю в префектуре Канагава известен своими историческими памятниками. Здесь находится сооруженная в 1252 году статуя Будды «Дайбуцу» высотой 15 метров.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС)

вернуть нацию на двести лет назад. На самом деле мы хотим возратить ее назад на тысячу лет». О тяге к прошлому, характерной для востокоцентристов, говорит то обстоятельство, что злейшие враги индуизма — пакистанские мусульманские фанатики из реакционнейшей организации «Джамаат-и ислами», не уступая индуистским фанатикам в критике безбожного Запада, не уступают им и в призывах к возрождению порядков, царивших в раннемусульманских, то есть феодальных, государствах.

При всей видимости различий обеих доктрин — европоцентризма и востокоцентризма — они в равной степени искажают процесс исторического и культурного развития народов Востока; превратно толкуют специфические осо-

бенности и общие закономерности развития и взаимодействия национальных культур, ложно представляют соотношение культурного наследия и новых ценностей. Основной порок этих доктрин во всех их разновидностях заключается в том, что они внеисторичны.

Исторический, конкретный подход к проблемам современного развития культуры в странах сегодняшнего «третьего мира» требует прежде всего признания того, что в этих странах существует определенный уровень развития национальной культуры, который обусловлен не некоей извечной их сущностью, а этапом исторической эволюции, переживаемой этими странами и миром в целом.

(Продолжение следует)